

Юная леди Гот

Крис Ридделл

**Юная леди Гот
и Праздник Полной Луны**

«АСТ»

2014

Ридделл К.

Юная леди Гот и Праздник Полной Луны / К. Ридделл — «АСТ»,
2014 — (Юная леди Гот)

ISBN 978-5-457-76961-8

В особняке лорда Гота царит суета! Обитатели дома готовятся к Празднику Полной Луны и конкурсу кулинаров. Каждую минуту прибывают именитые гости — художники, певцы, повара, — и, казалось бы, все идет по плану. Но не тут-то было! Дворецкий Мальзельо в очередной раз что-то замышляет, и Аде вновь предстоит разрушить его хитроумные планы. Ко всему прочему гувернантке Мэрилебон сделали предложение руки и сердца, а о дне рождения самой Ады все позабыли...

ISBN 978-5-457-76961-8

© Ридделл К., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	23
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Крис Ридделл

Юная леди Гот и Праздник Полной Луны

Chris Riddell

GOTH GIRL AND THE FETE WORSE THAN DEATH

Печатается с разрешения издательства *Macmillan Publishers Limited*

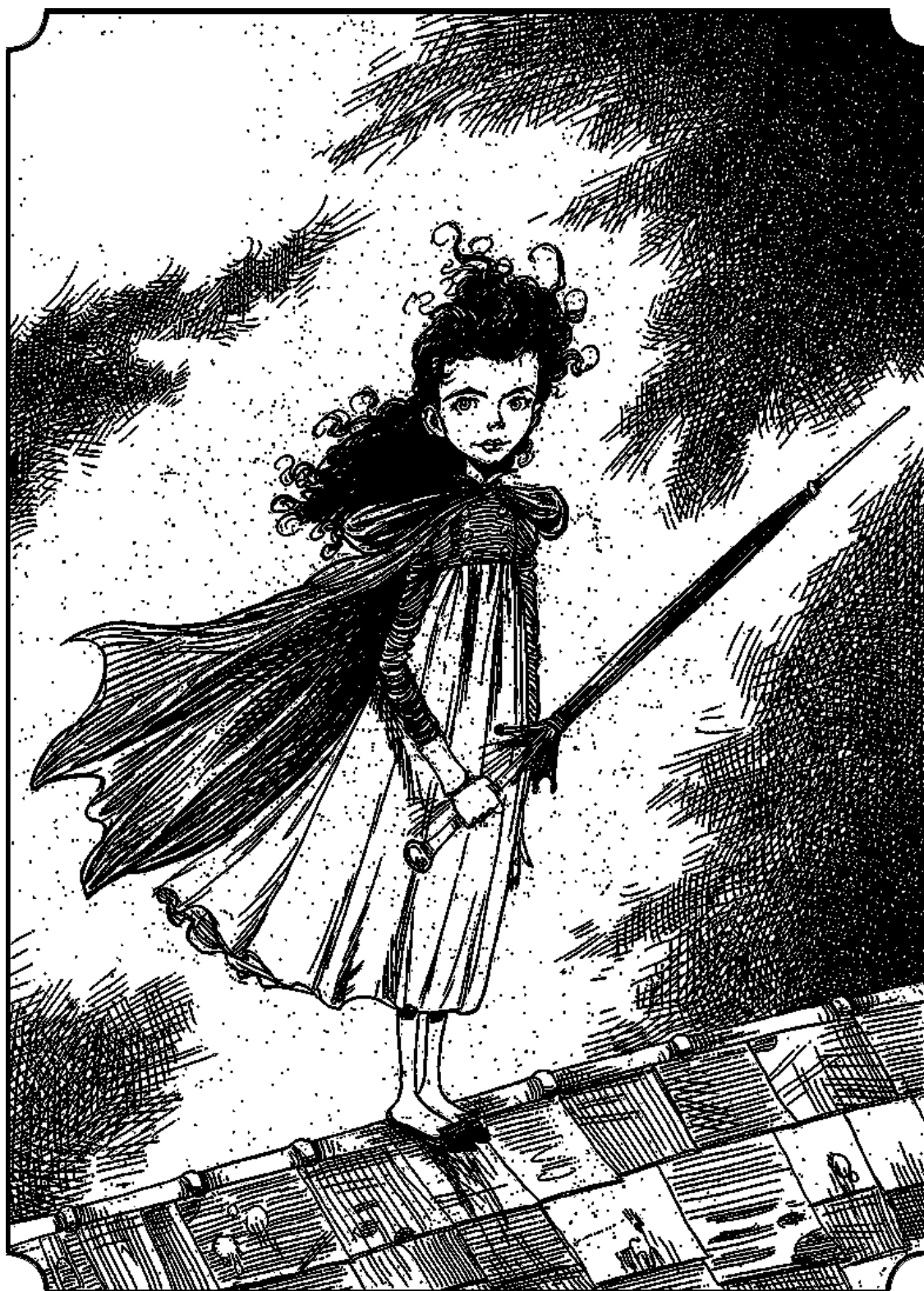
Иллюстрации автора

© Chris Riddell, 2014

© М. Визель, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Посвящается Фрэнсис

Глава первая

Ада легко пропрыгала в изящных черных канатоходных тапочках по семи каминным трубам. Потом на мгновение замерла, чтобы поймать равновесие, и вскочила на высокую трубу из белого мрамора, замыкающую ряд.

Серебряное салфеточное кольцо пролетело по ночному небу, лунный свет сверкнул на его полированной поверхности. Перенеся вес на одну ногу, Ада подалась вперед и ловко поймала кольцо на острие своего дуэльного зонтика. Еще три кольца сверкнули в воздухе над выстроившимися в ряд трубами, и Ада тоже одно за другим ловко насадила их на зонтик – после чего отвесила поклон.

– Отлично, моя дорогая, – раздался мягкий задорный голос с легким иностранным акцентом. – Вижу, ты выполняешь домашние задания.

Люси Борджиа, трехсотлетняя вампиресса и Адина гувернантка, парила в воздухе; легкий ветерок слегка развевал подол ее черного плаща. В руке она тоже держала дуэльный зонтик с винной пробкой, насаженной на острый конец для безопасности. Под Адиным взглядом она спустилась и тоже встала на каминную трубу, известную как «Белоснежка и семь гномов» – одну из сотен богато изукрашенных печных труб, возвышавшихся над крышами Грянул-Гром-Холла, причем ни одна из них узором и формой не повторяла другую.

– Ну-с, а теперь немного пофехтуем, – сказала Люси Борджиа, поднимая зонтик и поворачиваясь к своей ученице.

Ада Гот была единственной дочерью лорда Гота, знаменитого на всю Англию разъезжающего поэта. Несмотря на юный возраст (до ее дня рождения оставалась еще неделя), она пережила уже шестерых гувернанток. И каждая научила ее чему-то своему.

Люси была седьмой – и самой любимой. Она умела не только съезжать, но и заезжать вверх по перилам, давала уроки лишь с наступлением темноты, мастерски фехтовала на зонтиках. И учила Аду всему, что знала сама.

**МОРАГ МАКБЕЕ НАУЧИЛА АДУ
ВЯЗАТЬ КЛЕТЧАТЫЕ ШАРФЫ**

**ХЭБИ ПОППИНС НАУЧИЛА АДУ
ПЕТЬ СЛОЖНЫЕ ПЕСЕНКИ**

**ДЖЕЙН КЛЕЙР НАУЧИЛА
АДУ ПОДСЛУШИВАТЬ**

**БАБУШКА ДАРЛИНГ НАУЧИЛА
АДУ БРЕХАТЬ**

**БЕКИ ТОРЧ НАУЧИЛА АДУ
ИГРАТЬ В КАРТЫ**

**МАРИАННА ДЕЛАКРУА НАУЧИЛА
АДУ СТРОИТЬ БАРРИКАДЫ**

Острия их фехтовальных зонтиков соприкоснулись, и Ада сделала боковой выпад, который ее гувернантка легко парировала.

– Точность... – сказала Люси, делая взмах зонтом, от которого девочка отпрянула назад по ряду труб.

– Равновесие... – продолжила она, отводя удар своей ученицы и легонько ткнув своим зонтом ей в живот, отчего Аде пришлось соскочить с трубы на крышу.

– А главное... – Люси едва заметно крутанула запястьем, отчего Адин зонт вырвался из руки хозяйки и взмыл в воздух, – изящество!

Люси вытянула руку, поймала Адин зонт на лету и вручила его хозяйке.

– Да вам повезло с ученицей, мисс Борджиа, – произнес мягкий, плавный голос, идущий из-за толстенной кирпичной трубы, увенчанной шестью дымоходами потоньше.

Люси Борджиа одной рукой притянула Аду к себе и спрятала в складках своего плаща, а другой – сдернула с острия зонтика защитную винную пробку. Высокая фигура в еще более высоком цилиндре и темном рединготе вышла вперед из-за «Шести труб Генриха VIII».

Глаза Люси сузились.

– Не помню, чтобы мы были представлены, – сказала она спокойно.

– Лорд Сидни Бредни, к вашим услугам, – произнесла фигура, делая два шага по направлению к Люси. Та лишь подняла зонт.

– Простите это вторжение, моя дорогая леди, – произнес лорд Сидни и сдернул с головы цилиндр, под которым обнаружилась тщательно уложенная серебристая шевелюра.

– Я старый университетский друг лорда Гота, – объяснил он, глядя на Люси и Аду сквозь посверкивающий в лунном свете монокль. – Гот любезно согласился, чтобы я организовал в этом году Праздник Полной Луны.

Лорд Сидни вынул монокль и принялся тщательно протирать его концом галстука. Ада обратила внимание, что усы и брови у него так же тщательно уложены, как и прическа.

Ей показалось странным, что столь изысканный джентльмен мог проявить интерес к такому дурацкому событию, как Праздник Полной Луны. Каждый год обитатели соседней деревушки Гром-нет собирались вокруг Грянул-Гром-Холла с горящими факелами в руках и принимались нестройно распевать гимны, посвященные летнему солнцестоянию. Еще они при этом разрисовывали лица синей краской, цепляли к поясу соломенные юбочки и плясали в свете полной луны дикие танцы, хлеща друг друга наволочками. Никто не мог толком объяснить, почему так повелось.

– Счастливые были деньки... Яликовые гонки по реке, крикет в цилиндрах¹ и крокет на беговелах... Гот, Саймон и я – нас называли два с половиной амигос.

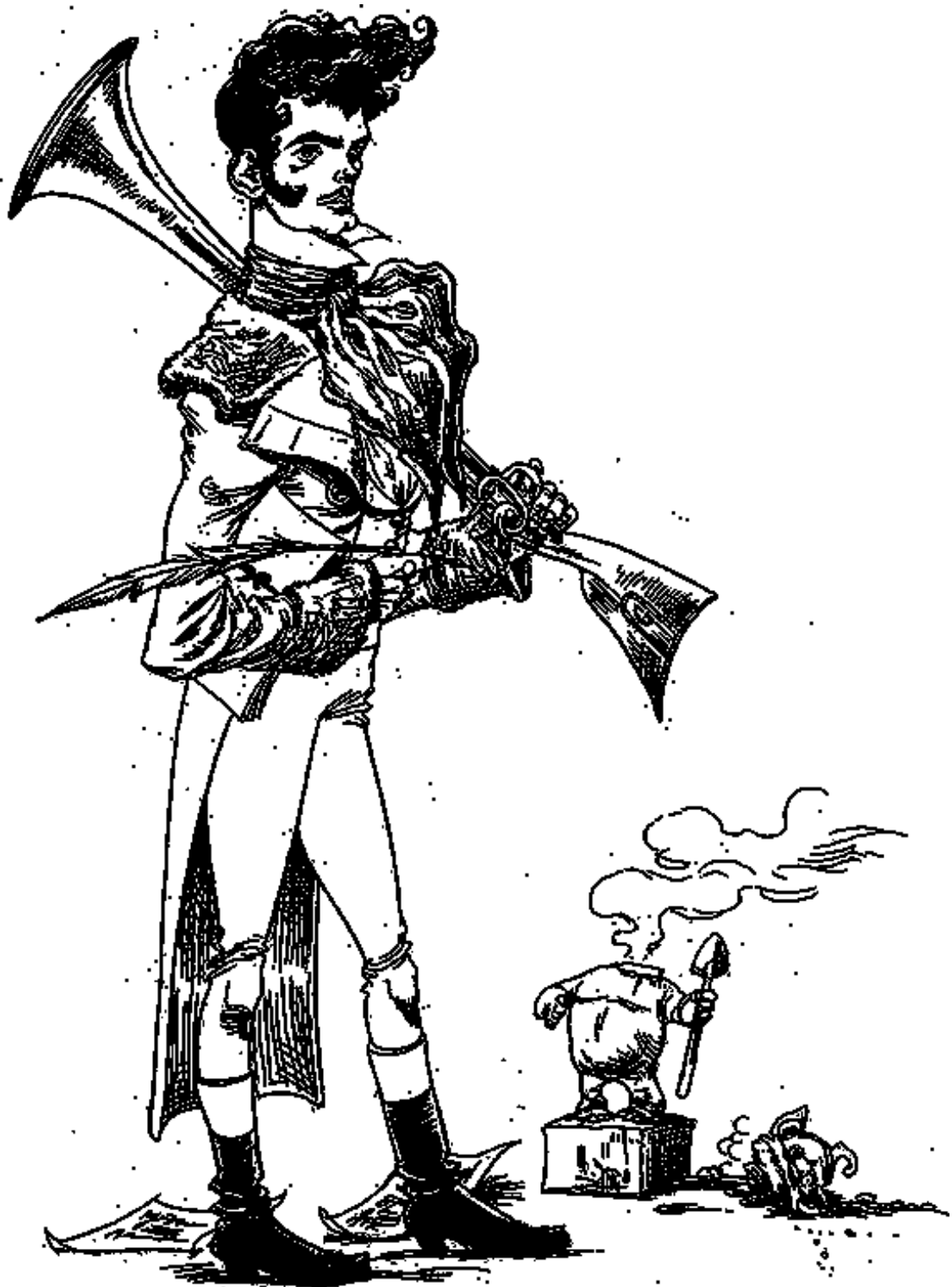
– Два с половиной? – переспросила Ада, высовываясь из плаща Люси.

¹ «Крикет в цилиндрах» был придуман для того, чтобы пить чай с тортами и сэндвичами. Полевые игроки использовали свои цилиндры, чтобы ловить крикетные мячи, пущенные отбивающими, которые носили так называемые «чайные чепчики» – вязаные шапочки, позволявшие чайникам сохранять тепло.

— Саймон отличался малым ростом... — объяснил лорд Сидни. Потом вдел обратно монокль, взглянул на Аду и добавил с улыбкой: — Знаешь, Ада, а ведь я не видел тебя с тех пор, как ты была младенцем. С тех пор как... — он запнулся и прокашлялся: — ...с той самой ужасной ночи.

Ада хорошо понимала, о какой ночи говорит лорд Сидни Бредни: о той, когда ее мать, прекрасная канатоходка Парфенопа, практикуясь в своем искусстве на крыше Грянул-Гром-Холла, упала и разбилась насмерть во время внезапно налетевшей грозы.

ЛОРД ГОТ

С тех пор, на протяжении почти всего Адиного детства, лорд Гот большую часть времени провел в своем кабинете, где писал чрезвычайно мрачные стихи. Но после того как Ада пережила приключение с Измаилом Пискером, призраком мышонка, лорд Гот полностью переменялся. Он не запирался больше в своем кабинете, сочиняя пространные поэмы, а странствовал там и сям. Вот и сейчас он был в отъезде – представлял в Озерном крае свой последний сборник изысканных дорожных баллад «Она идет во всей росе».

Люси позволила Аде выпростаться из своей накидки и в упор посмотрела на лорда Сидни.

– Боюсь, мой отец сейчас в отъезде, – сказала Ада, прерывая сгустившееся молчание.

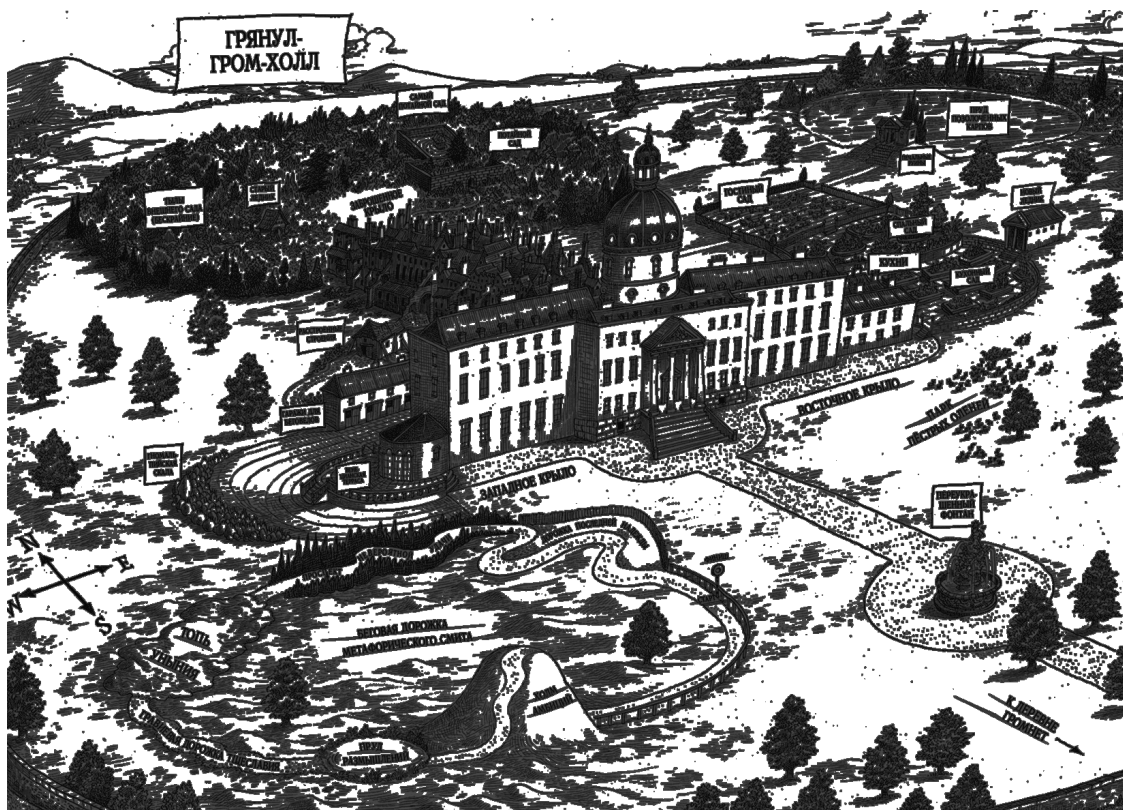
Лорд Сидни с трудом оторвал взгляд от глаз Люси.

– Что? Ах, ну да... конечно. Он в книжном турне.

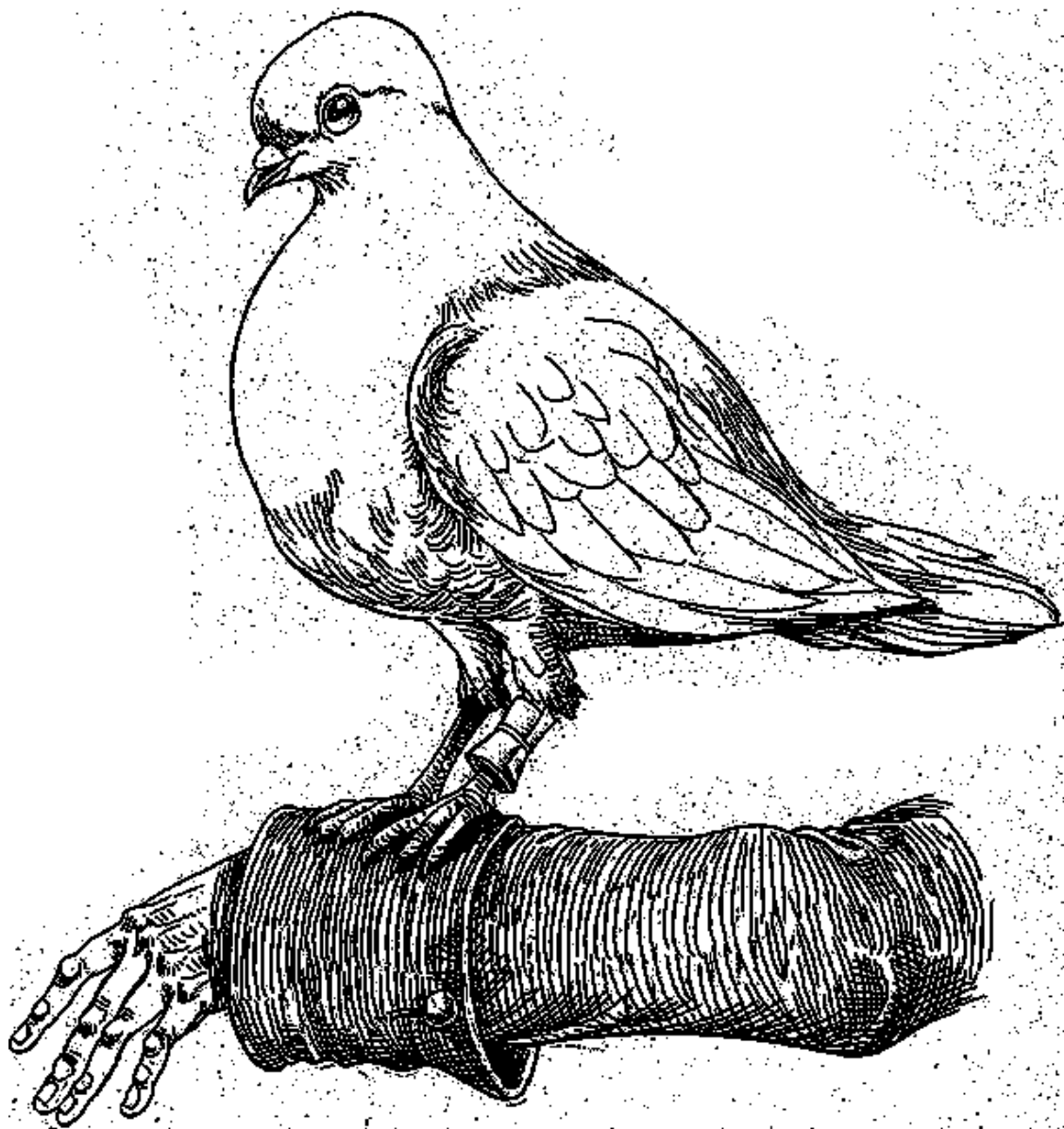
Лорд Сидни улыбнулся и добавил:

– Когда мы с ним общались последний раз, он делил за ужином тушеный бараний бок с тремя пастухами в хижине на Лэнгдейл-Пайк.

– Откуда вам это известно? – изумилась Ада.

— Одна птичка напела, — ухмыльнулся лорд Сидни, снова переводя взгляд на Люси Борджиа. — А другая добавила, что вы, мисс Борджиа — трехсотлетняя вампиресса с безупречной репутацией. Не говоря уж про вашу славу зонтичного фехтовальщика. Я счастлив нашему знакомству.

В этот самый момент сверху показался белый голубь. Он миновал «Гнутый грош», пронесся над «Томасом и Джереми» и уселся на вытянутую руку лорда Сидни.

Тот осторожно отсоединил от птичьей лапки привязанный к ней маленький бумажный рулон. «Голубиная почта, или просто гмейл, – заявил он с гордостью. – Мое последнее изобретение!». Потом развернул листок и прочитал. Затем извлек из-за уха карандаш, написал ответ на обратной стороне и снова привязал бумажку к лапке.

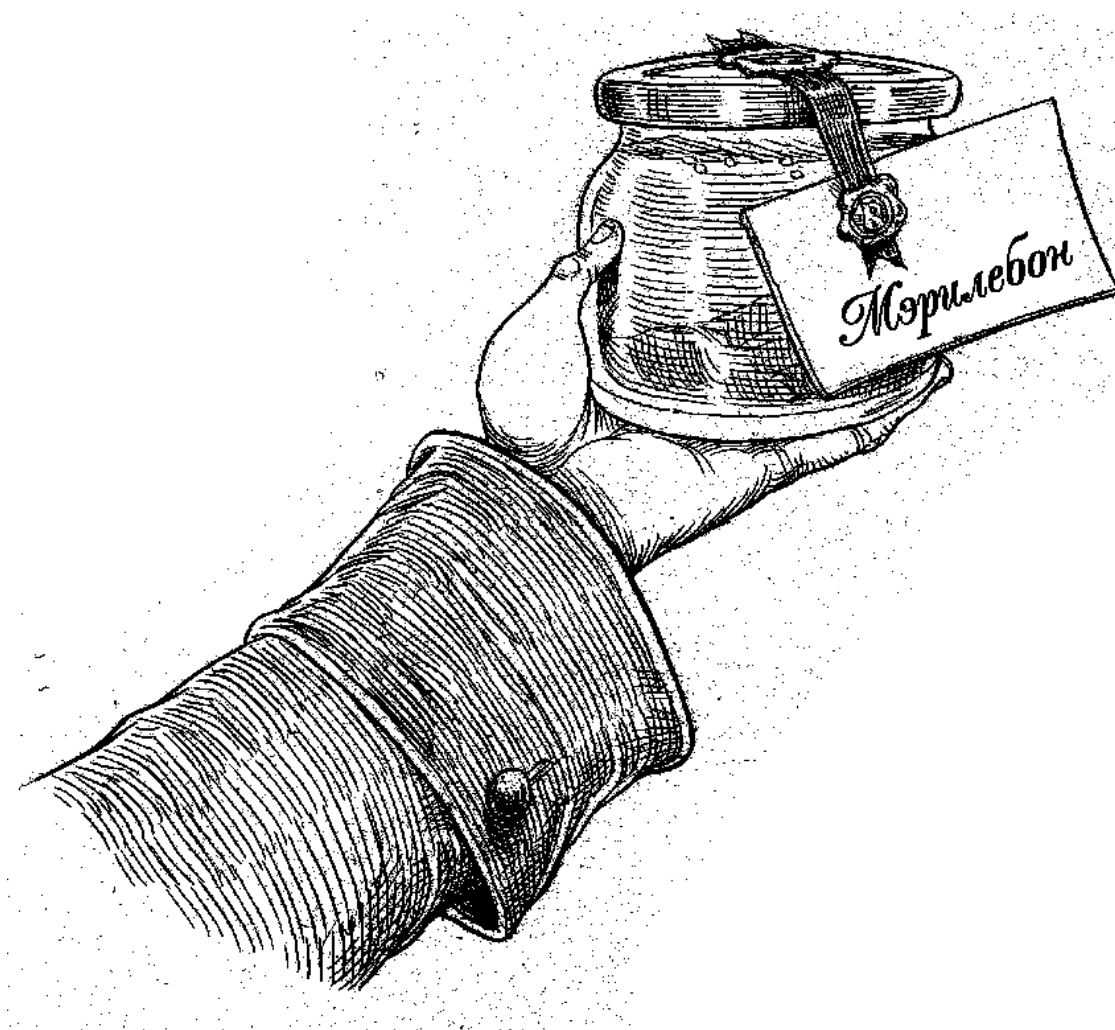
– Лети со всей мочи, Серебряный грош, – шепнул он в ухо голубю, прежде чем подбросить его в небо.

– А мы чем-нибудь можем быть вам полезны, лорд Сидни? – вежливо поинтересовалась Люси Борджиа.

– Вообще-то да.

Лорд Сидни Бредни запустил руку в карман своего сюртука и извлек из него стеклянную банку. С крышки свисал прикрепленный красной ленточкой конверт с надписью «Мэрилебон», выполненной летучими буквами, похожими на паучьи лапки.

– Вы не могли бы передать вот это?

Мэрилебон звали Адину камеристку. Изначально она была горничной ее матери. Свое имя она получила от названия постоянного двора, куда ее подкинули с запиской, в которой утверждалось, что привезли ее аж из Боливии. И этим сведения, которыми Ада располагала о своей камеристке, практически исчерпывались. Девочка ее даже никогда не видела. Мэрилебон отличалась такой невероятной застенчивостью, что проводила все свое время в огромном стенном шкафу ее гардеробной комнаты, выходя из него лишь по ночам, пока Ада спала, чтобы оставить для нее новую одежду на пятнистом диване.

– Конечно, я передам, – сказала Ада, принимая банку с золотистой жидкостью.

– Благодарю вас, – ответил лорд Сидни. Потом достал из жилетного кармана маленький пакетик с птичьим кормом. – Если вам понадобится со мной связаться, просто высыпьте немного на землю.

Сказав это, лорд Сидни слегка поклонился и отступил в тень за «Старого куряку». Вопреки названию, эта труба давно уже не курилась, потому что вела к заброшенным каминам, – но была самой старой и самой гнутой из всех труб, за что Ада любила ее больше всех.

Адина гувернантка рассеянно смотрела ему вслед, не трогаясь с места.

– Этот лорд Сидни напомнил мне одного художника, которого я знавала давным-давно, – промолвила она задумчиво, причем ее акцент заметно усилился. – Его звали Леонардо. Лорд Сидни тоже хорош собой, видимо талантлив, но...

Здесь Люси Борджиа улыбнулась той загадочной улыбкой, что всегда напоминала Аде один из старинных портретов в заброшенном крыле Грянул-Гром-Холла.

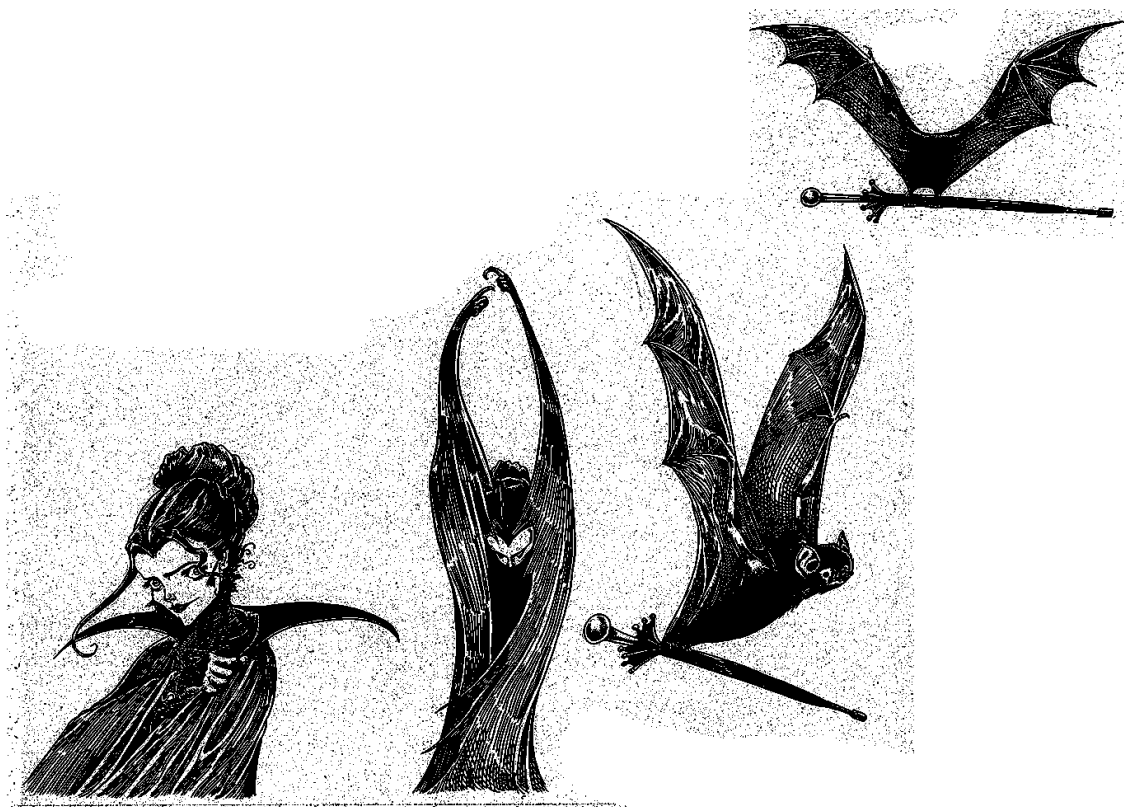
– ...но немножко не от мира сего.

Гувернантка коротко усмехнулась и обратилась к своей подопечной:

– Я думаю, на сегодня фехтования достаточно. Увидимся завтра на закате. Спокойной ночи, моя дорогая.

Она запахнула накидку вокруг плеч, затем подняла руки над головой и сделала пируэт, превращаясь при этом в огромную летучую мышь². Потом на глазах Ады взмыла в небо, развернулась на фоне ущербной луны и исчезла в окошке вверху большого купола Грянул-Гром-Холла.

Ада постояла немножко, озирая целый лес богато украшенных печных труб. Серебристый лунный свет играл на высеченных из камня гаргульях, белоснежных, как сахарные фигурки, наверху каминных труб и узоры в виде селетки, повторяющемся на кирпичах. Затем развернулась и побрела через крышу на чердак, сжимая в одной руке зонтик, а в другой – баночку превосходного боливийского меда.

² Вампиры превращаются в летучих мышей, когда им нужно быстро убраться или просто проскользнуть сквозь окно спальни.

Глава вторая

Едва открыв глаза, Ада поняла: что-то не так.

Вся ее одежда: черные полосатые чулки, белое шелковое платье и лиловый бархатный жакет с серебряными галунами – валялась на полу, покрытом турецким ковром, в том же беспорядке, в котором девочка их оставила, спустившись накануне ночью с крыши.

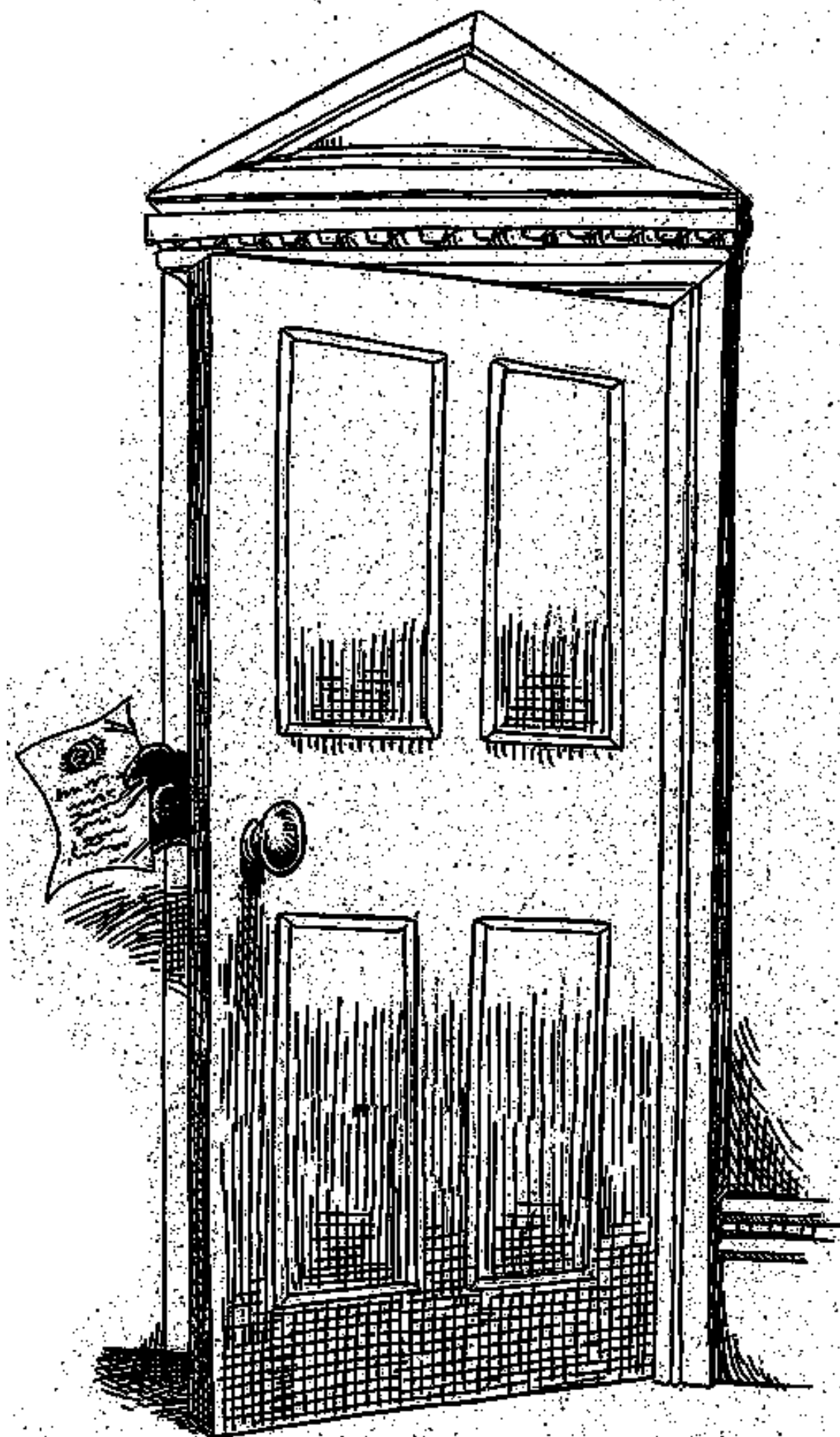
Ада уселась в кровати с балдахином на восьми столбиках и оглядела свою огромную спальню. Через открытую дверь гардеробной был хорошо виден пятнистый диван, на котором, вопреки обыкновению, не лежал новый комплект одежды. А самое странное – дверь огромного стенного шкафа оказалась открыта. И из-за нее доносились приглушенные всхлипы.

Ада соскочила с кровати и через ковер на цыпочках вбежала в гардеробную. Добравшись до двери стенного шкафа, она заметила баночку с медом, ту самую, что дал ей накануне лорд Сидни, – она подпирала дверь снаружи и не давала ей захлопнуться.

– Мэрилебон, – мягко позвала Ада. – Ты там?

Зная, как застенчива ее камеристка, она не хотела распахивать дверь и заходить внутрь.

– Мэрилебон! – попробовала она снова. – Что с тобой?

Из-за двери высунулась мохнатая лапа с перепачканными в меду когтями, сжимающая смятое письмо.

Ада осторожно взяла письмо и погрузилась в чтение...

*Моя драгоценная Мэрилебон,
столько всего изменилось с тех пор,
как мы впервые встретились в тот вол-
шебный вечер, когда мой дорогой друг
Тот взял в жены твою хозяйку, оча-
ровательную Парфенону. Я тогда был
бедным студентом, а ты — простой
белошвейкой. Но я сразу полюбил тебя
и никогда не переставал любить.*

Ада перевернула письмо...

*Война за независимость нашей
родной Боливии переменяла мою
участь. Мы выиграли войну, а я стал
не просто генералом. Меня считают
героем!*

*И я наконец могу предложить тебе
жизнь, которую ты заслуживаешь.
Вот почему я смиренно прошу оказать
мне честь принять мою лапу и сердце.
Неизменно любящий тебя,*

Симон

*P.S. Мед — от моих собственных
пчел, из моего поместья у подножья
Анд.*

— Так ты... медведица! — воскликнула Ада, разглаживая смятое письмо. Оно тоже было немного липким.

Откуда-то из самых глубин стеного шкафа раздался душераздирающий всхлип.

— Отчего же ты так грустишь?

Любопытство перевесило вежливость. Ада потянула на себя дверь и шагнула внутрь стеного шкафа.

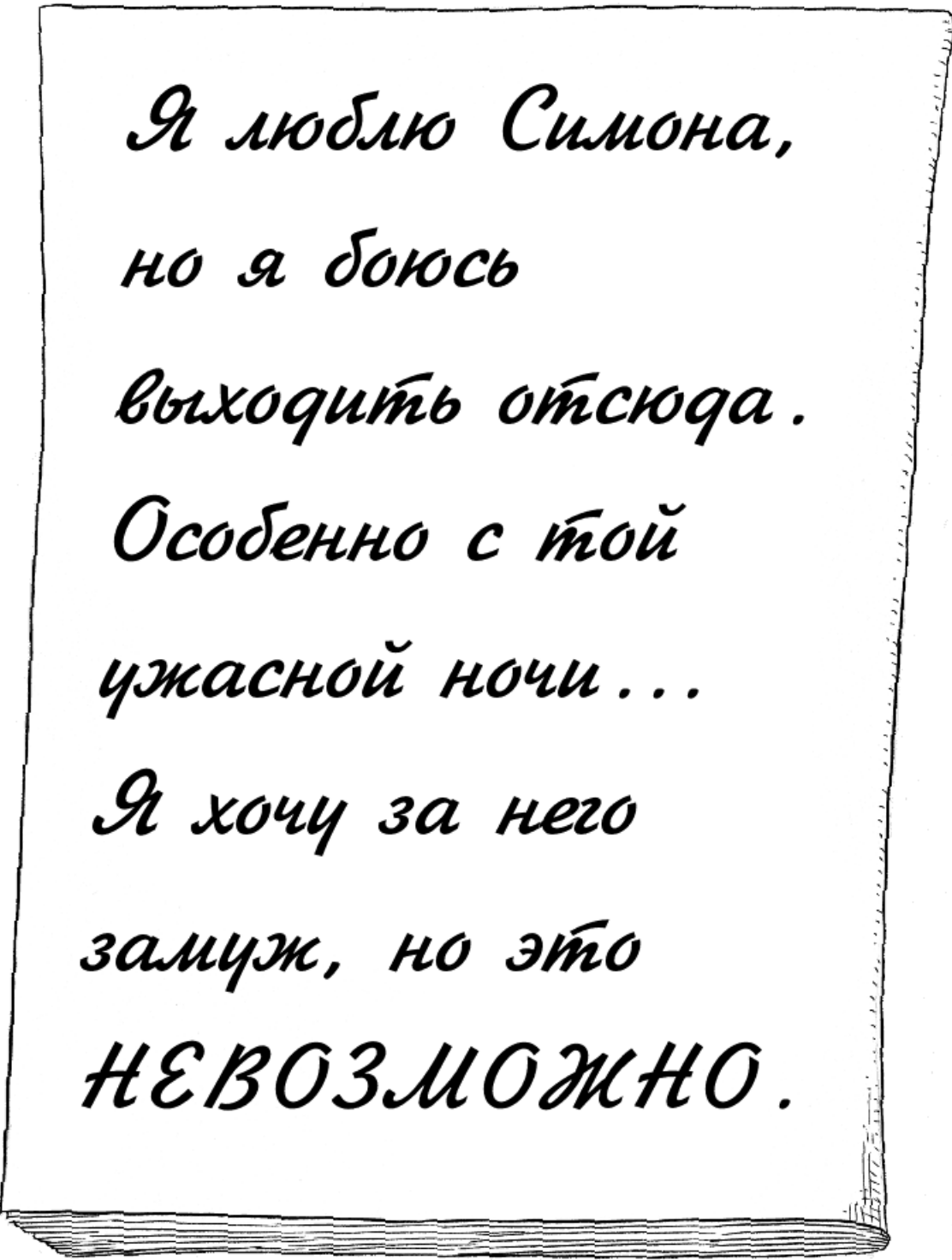

Потом огляделась. Внутри шкаф оказался похож на пещеру – только на самую уютную, комфортную, благоустроенную пещеру, какую Ада только могла представить. Здесь стояли гладильная доска, швейный столик, портновский манекен, а все стены были увешаны полками и уставлены комодами. Позади виднелась небольшая убирающаяся в шкаф кровать – и повсюду была одежда, ее одежда! Жакеты, платья, юбки, килты свисали с деревянных плечиков вместе с плащами, шалями, пальто и накидками, тщательно разобранными по сезонам.

Внизу рядами выстроились ее туфельки и сапожки, а над ними на рожках висели ее шляпы и береты.

И посреди всего этого великолепия, из-за черной бархатной портьеры смущенно выглядывала медведица. Слезы текли по ее мохнатым щекам.

Поймав Адин взгляд, Мэрилебон извлекла из кармана фартука блокнотик и карандаш. Поправив очки на носу, она накорябала что-то в блокноте и передала его Аде...

*Я люблю Симона,
но я боюсь
выходить отсюда.
Особенно с той
ужасной ночи...
Я хочу за него
замуж, но это
НЕВОЗМОЖНО.*

Я люблю Симона, но я боюсь выходить отсюда. Особенно с той ужасной ночи... Я хочу за него замуж, но это НЕВОЗМОЖНО.

— Для истинной любви нет ничего невозможного, — твердо сказала Ада. — В последней поэме моего отца принцесса добирается до самой шотландской границы, чтобы освободить своего возлюбленного из лап огнедышащего чешуйчатого змея. Я дам тебе почитать. Тебя это точно ободрит.

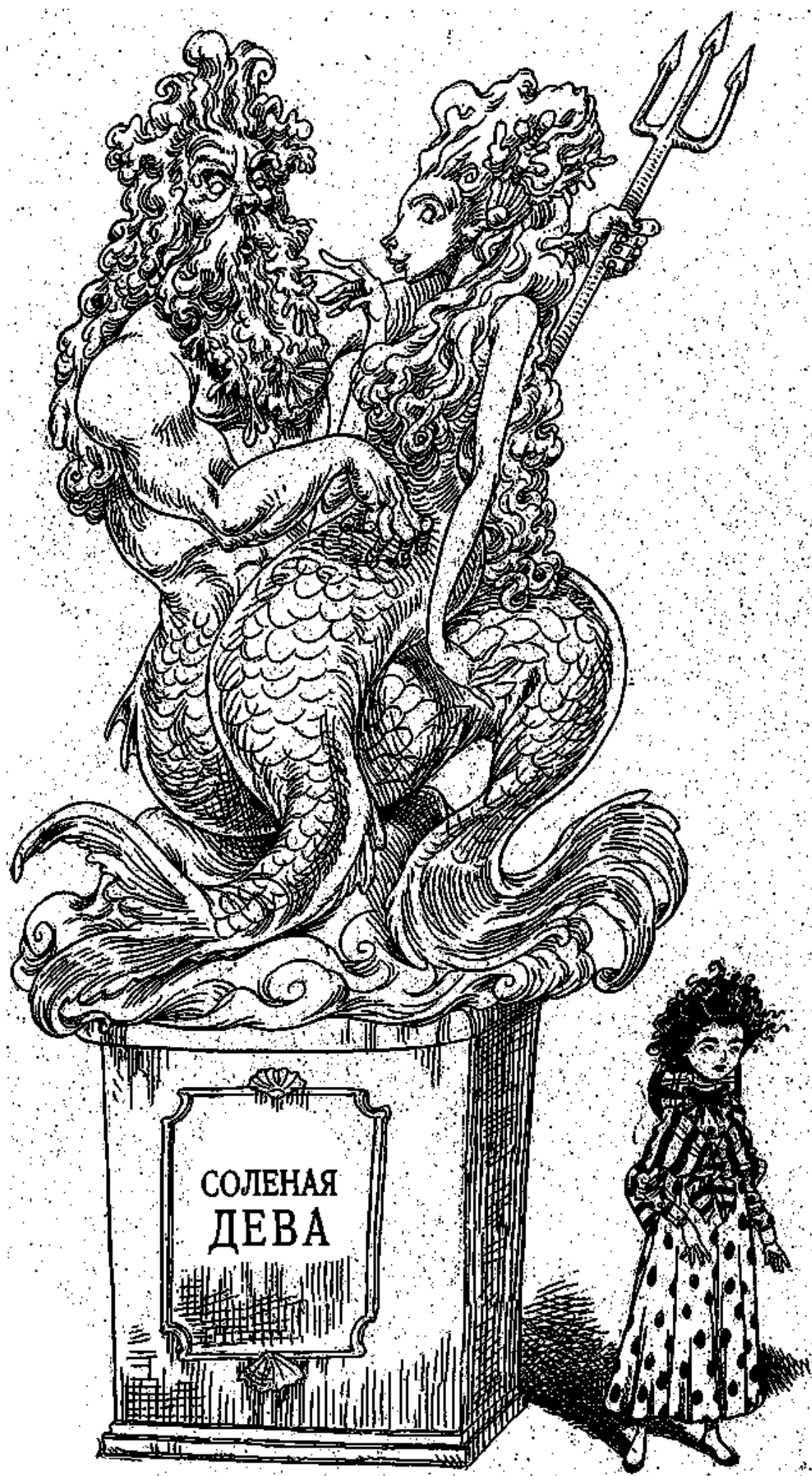

Но вообще-то Ада не была в этом уверена. И уже раскаивалась в том, что так бесцеремонно вторглась в стенной шкаф Мэрилебон. Пока ее камеристка тихонько всхлипывала за портьерой, она быстро схватила веселенькое платье в горошек, полосатую шаль, берет с пышным бантом и на цыпочках вышла из шкафа. После чего тихонько закрыла за собой дверь.

Потом подобрала свою вчерашнюю одежду, аккуратно сложила ее и оделась в новую.

– Что бы я делала без Мэрилебон, – сказала сама себе Ада, глядя на свое отражение в зеркале. – Подбирать одежду – это не так-то просто. Я должна ее отблагодарить. Посмотрим, чем я смогу ей помочь.

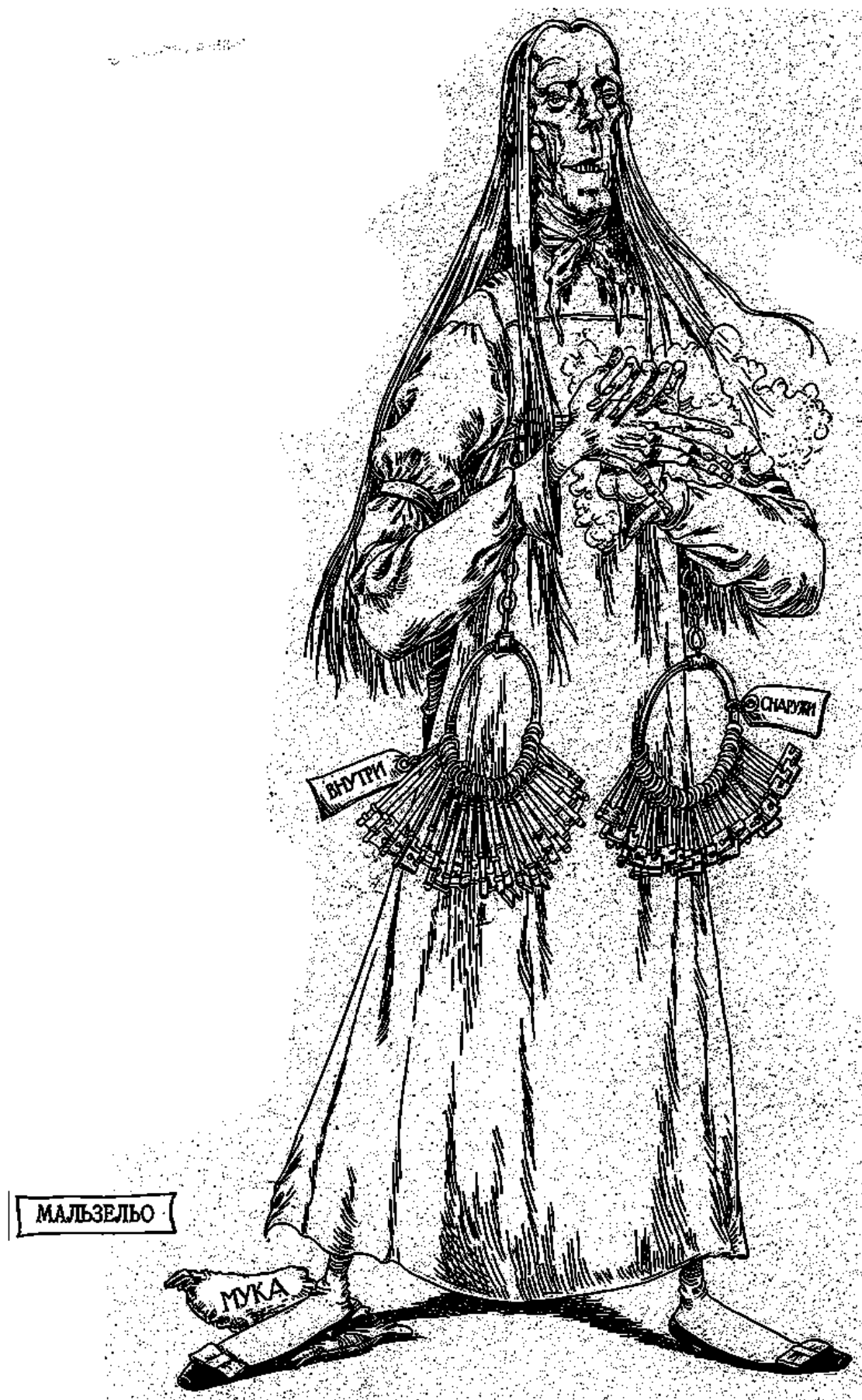

Ада дошла до конца коридора и, вспрыгнув на перила парадной лестницы, съехала в нижний вестибюль. Люси Борджиа всячески поощряла ее съезжать по перилам Грянул-Гром-Холла, и за это тоже Ада обожала свою гувернантку.

Спрыгнув на мраморный пол, она прошла мимо трех мраморных грушеобразных Граций и совсем уж собралась идти направо за бронзового Нептуна, сжимающего в объятьях Русалку, как ее остановил знакомый голос, доносящийся откуда-то совсем близко:

– Что я вижу? – продребезжал, этот голос, сухой, как осенний лист. – Юная мисс Гот вырядилась клоуном? А ведь до Праздника Полной Луны еще добрая неделя!

Ада обернулась и увидела Мальзелью, комнатного егеря, перекрывающего собой вход в Безвинные погреба. Говорили, что в эти отдаленные покои Грянул-Гром-Холла частенько наведывался призрак Пиджея³, – облысевшего ирландского волкодава, которого третий лорд Гот пристрелил без всякого стеснения после того, как тот окончательно лишился волос. Рассказывали также, что ветреными ночами призрачные завывания невинно убиенной собаки разносились по пустынным кельям, отражаясь от холодных стен.

Мальзелью был облачен в длинный передник – такой же серый и блеклый, как он сам. С передника с двух сторон свисали две связки ключей, продетых в большие медные кольца, каждое – с этикеткой. Одна этикетка гласила «Внутри», другая – «Снаружи». Ада отшатнулась. Мальзелью был теперь не просто комнатным егерем: лорд Гот сделал его своим садовым дворецким и вменил ему в обязанность заботу о коллекции садовых гномов и поддержание в надлежащем состоянии мебели в гостинном саду. Ада не доверяла Мальзелью и не переносила его обычая действовать исподтишка, подслушивать у дверей и подсматривать в замочные скважины. Но Мальзелью служил в Грянул-Гром-Холле так давно, что никто не мог вспомнить, когда же он поступил на службу, и лорд Гот признавался, что без Мальзелью он как без рук.

³ Пиджей, ирландский волкодав, не только облысел, но и отличался чрезвычайно слабым зрением, вследствие чего он часто принимал домашние тапочки за косточки и закапывал их в кухонном саду.

ДИАНА, герцогиня Грянуллская,
и ее спаниель ЭКТОН

– Что?

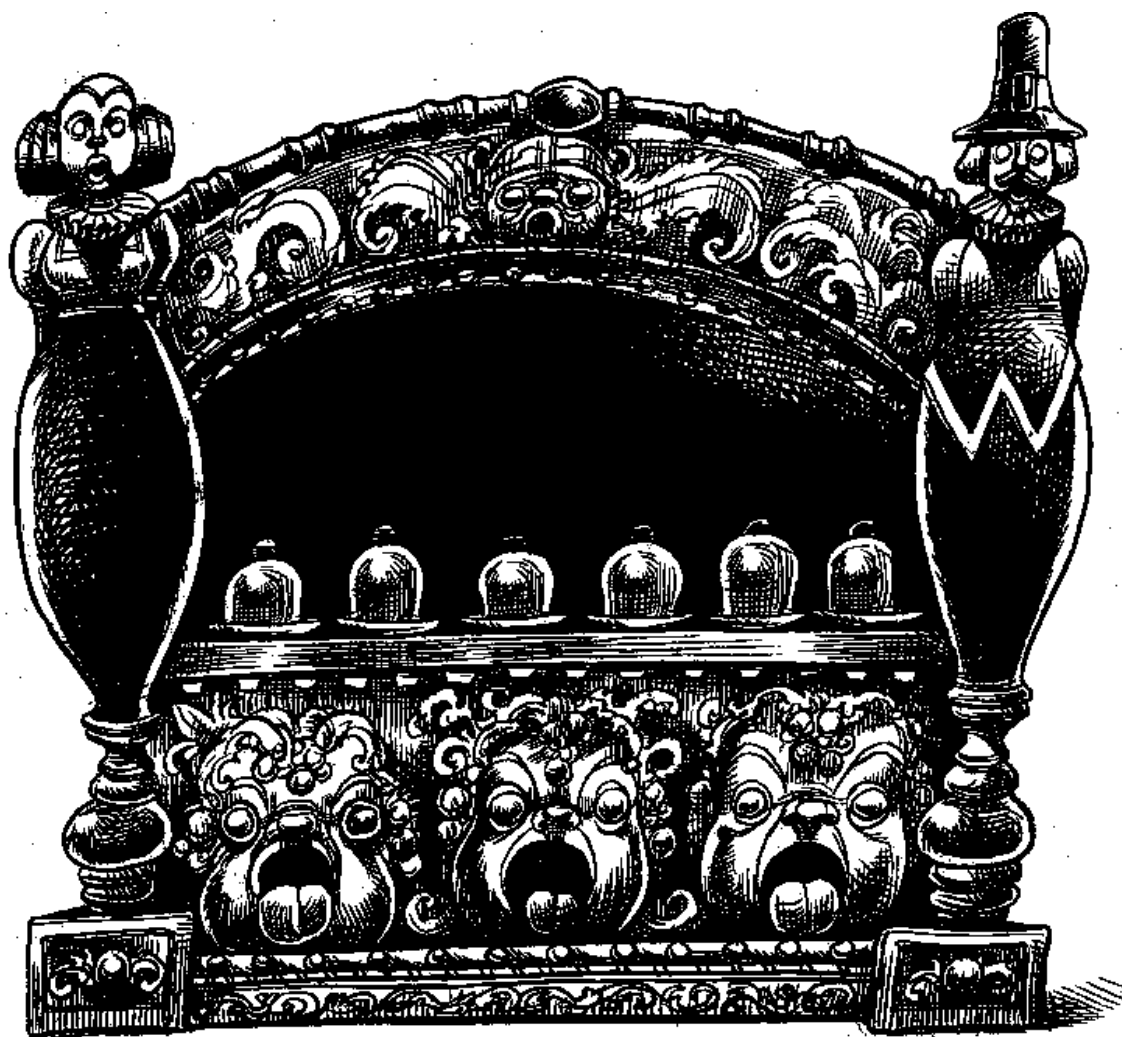
– Волкодав вам язык откусил, мисс Гот? – проскрипел Мальзельо, картинно всплескивая руками.

Поднялись два облачка пыли.

Ада припустилась бегом. Она пронеслась через обширную картинную галерею, наполненную дородными герцогинями, и влетела в малую галерею с картинами длинных и при-

земистых домашних животных. Завтрак ждал ее на якобинском буфете. Лучшая Адина подруга, Эмили Брюквидж, уже угощалась яйцами всмятку и тостами-гренадерами.

ЯКОВИНСКИЙ КОМОД

Эмили и ее брат Уильям гостили в Грянул-Гром-Холле вместе со своим отцом, знаменитым изобретателем Чарльзом Брюквиджем, который строил для лорда Гота вычислительную машину в китайской гостиной.

– Ты уже слышала? – воскликнула Эмили. – В этом году на Праздник Полной Луны пройдет художественная выставка! Приедут художники, я с ними встречусь! И может быть, даже покажу им свои работы!

Эмили рисовала прекрасные акварели.

– Вот как?

Праздник Полной Луны проходил обычно довольно глупо. Нелепые пляски, нестройное пение... Тем не менее лорд Гот считал своей обязанностью посещать его, и потому выглядел в этот день еще мрачнее обычного. Но Ада ждала его с нетерпением – потому что на праздник выпадал ее день рождения. Лорд Гот никогда об этом не помнил. По правде говоря, девочка подозревала, что ее отец специально постарался его забыть – он слишком напоминал о ее матери. Слуги тоже никогда не вспоминали ее день рождения – за исключением Мэрилебон. Каждый год, под утро, когда бессвязные песни смолкали и Ада отправлялась в кровать, она находила на покрывале небольшой изящно упакованный подарок,

а из глубин стеного шкафа доносилось тихое поздравительное рычание. Аде нравилось воображать, что Праздник Полной Луны – это на самом деле праздник в честь ее собственного дня рождения. А еще она втайне надеялась, что в этом году ее новые друзья (а может быть, и отец) тоже вспомнят про день рождения.

– И это еще не все! – раздался голос за спиной Ады.

Она обернулась.

Уильям восседал за столом, сливаясь с газетой, которую он держал в руках. И, разумеется, с обоями за спиной.

– Ой, ты тоже здесь! – сказала Ада.

Уильям Брюквидж страдал «синдромом хамелеона». Это значило, что он с легкостью принимал цвета окружающих предметов.

– Оденься же наконец! – проворчала Эмили.

– Намечается карнавал с аттракционами, – с воодушевлением продолжал Уильям. – Смотри!

Он протянул Аде смятый экземпляр «Лондонского обозрения». Обычно газеты лорда Гота тщательно отутюживали на кухне, но сейчас хозяин был в отъезде, и за этим не следили.

И в этот самый момент из кухни донесся страшный грохот.

Глава третья

Ада и Эмили помчались через восточное крыло в сторону кухонь Грянул-Гром-Холла. Уильям поотстал, потому что искал штаны. Переступив порог кухни, девочки обнаружили все вверх дном.

Перепуганные кухарки сгрудились за огромным уэльским буфетом, а Руби, младшая буфетчица и Адина подруга, робко выглядывала из-за коридорной двери.

Около перевернутого кресла-качалки, уперев руки в боки, возвышалась повариха Грянул-Гром-Холла, миссис У'Бью. Лицо ее покраснело от ярости. У ног лежали осколки большой китайской тарелки.

– Почему меня не предупредили?! – грохотала она вслед Мальзелью, пробиравшемуся в сторону малой буфетной с мешком муки на плече.

– Его сиятельство не обязан перед вами отчитываться, – огрызнулся он. – Но он рассчитывает, что вы предоставите свободный доступ на кухню знаменитым кондитерам, приглашенным участвовать в конкурсе.

Еще одна тарелка просвистела мимо головы Мальзельо и с грохотом впечаталась в противоположную стену.

– Они прибывают сегодня! – прокрипел Мальзельо, прошмыгивая мимо Руби и дальше – вон из кухни, прежде чем миссис У’Бью успела вытащить из уэльского буфета еще одну тарелку и метнуть ему в голову.

– Пусть стряпают в малой буфетной! – завопила она в спину дворецкому. Потом повернулась к внушительной железной печи и, поглаживая ее, добавила: – Никто не имеет права прикасаться к Инферно – пока не получит разрешения от меня лично.

И снова накинута на дрожащих помощниц.

– А вы чего раззявились? А ну-ка за работу!

Кухарки бросились врассыпную по кухне. Две из них перевернули в правильное положение кресло-качалку миссис У’Бью и подали ей большую поваренную книгу, тоже брошенную на пол в припадке ярости. Та плюхнулась в кресло и начала стремительно раскачиваться, наблюдая, как девушки сметали разбитый сервиз.

Ада и Эмили тихонько пробрались через всю кухню к ожидавшей их Руби-буфетчице. По сравнению с самой кухней, в малой буфетной была тишь да гладь. Высоченные стены до самого потолка были завешаны стенными шкафами и полками, заставленными разнообразными специями, травками, отдушками, ароматами, порошками, тинктурами и вытяжками в маленьких пузырьках. Еще с потолка свешивались вязанками петрушка, шалфей, розмарин и тимьян, – закупленные, разумеется, на той самой ярмарке в Скарборо, о которой поется в балладе. К ним присоседилась масловзбивалка герра Симона и герра Гарфункеля, славных немецких мастеров.

Как только Ада и Эмили переступили порог, Руби обозначила перед Адой небольшой реверанс и горячо обняла обеих. Потом покраснела и снова взобралась на высокий стул в углу комнаты.

Ада присмотрелась, чем она там занималась, и воскликнула:

– Руби, они же чудесные!

Младшая буфетчица лепила из сахарной пудры русалок.

Руби раскраснелась еще больше.

– Это для миссис У’Бью. Для ее блюда «Плавучие острова», – сказала она скромно. – Я как раз собралась нести их на кухню, когда в буфетную появился Мальзель и потребовал еще один мешок муки. Я сказала, что он должен спросить у миссис У’Бью. Он отправился к ней – и вывел ее из себя...

– Отцы-пустынники и жены непорочны! – пропел чей-то жизнерадостный голос. – О, сколь предивное ремесло!

Девочки живо обернулись. В дверях буфетной, ведущей в кухонный сад, стоял, прижимая к себе огненно-рыжего кота, коротышка в высоком белом цилиндре и фартуке.

– Итак, мы у врат Грянул-Гром-Холла, – провозгласил он, лучезарно улыбаясь. – Я – Уильям Кейк, поэт-кондитер, а это, – указал он на кота, – мой Тигр О’Тигр.

– Шшоб нам крошечкой подавица, ежели это не Вилли Кейк! – донеслись снаружи два слаженных голоса. – Лорд Сидни и тебя пригласил!

Через мгновение в буфетную ввалились два лохматых бородача еще меньшего росточка, обутые в грубые башмаки и с одним огромным рюкзаком, взваленным на них обоих сразу.

– Волостранники! – пылко воскликнул Уильям Кейк, пожимая руки обоим. – Я так надеялся на встречу с вами! Забыть не могу ваши Уиндермирские бисквитные пальчики!

– Ты слишком добр, Вилли, – ответили волостранники.

Возможно, они улыбались, но из-за запущенных бород Ада не могла утверждать этого наверняка.

– Какая прелестная маленькая кладовая... – прошелестел мягкий голос.

Порог переступила высокая дама с черной гривой, забранной вверх шелковым шарфом. Рядом с ней стоял некто с огненно-рыжими волосами и бровями – в данный момент сильно насупленными.

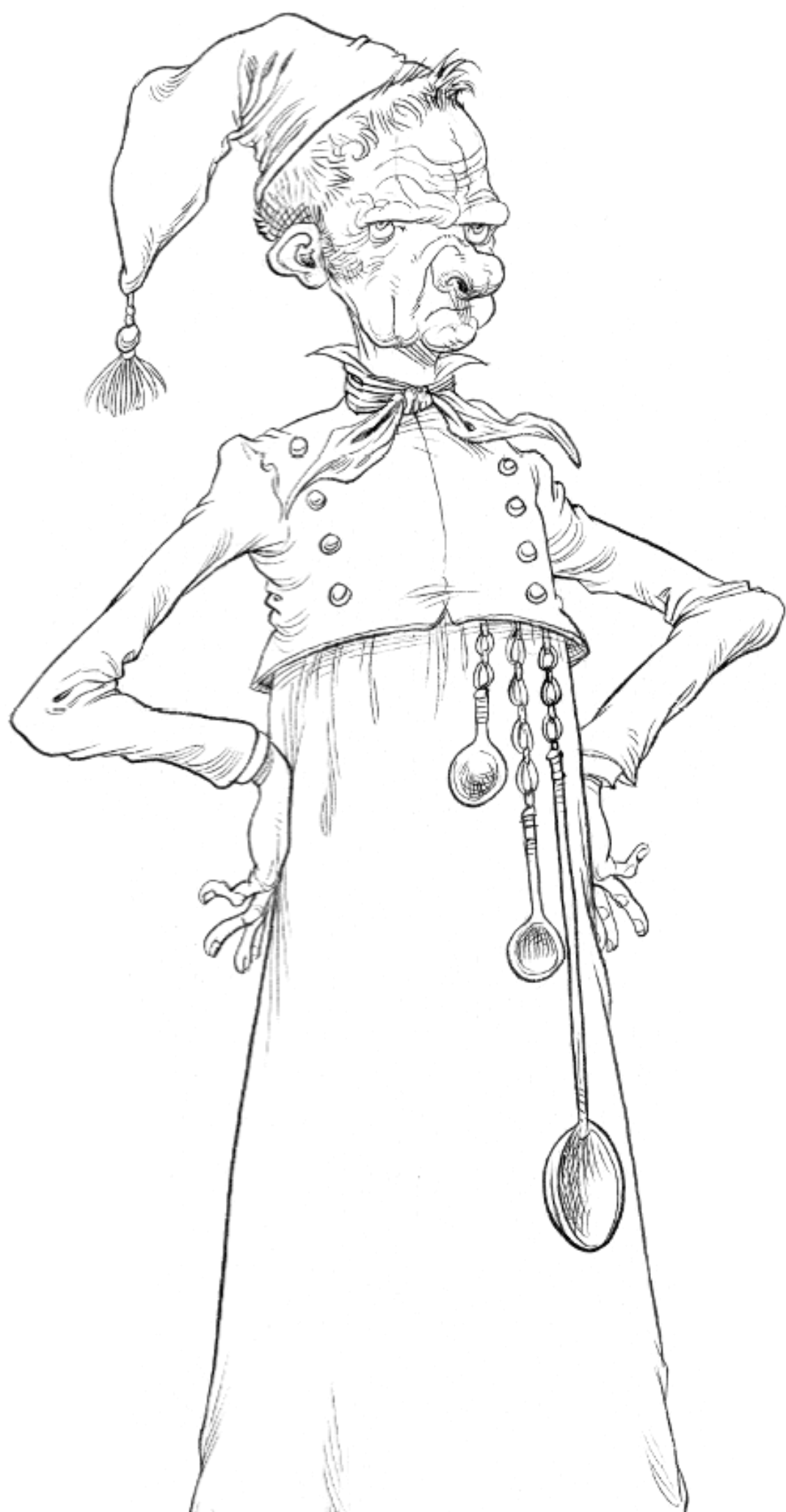
– Я – Найджелина Сладстон-Лоджкин, гламурный кондитер, а это – Горди Баранофф.

Она хихикнула.

– Мы ведь здесь за одним и тем же собрались, верно? Жду не дождусь, когда лорд Гот соблаговолит отведать моих фасонных помадок!

– О, да здесь многолюдно! – входя в буфетную, провозгласила необыкновенно элегантная дама с чрезвычайно широкой улыбкой. За ней следом ввалился большой мужчина с маленькой бородкой, облаченный в белый комбинезон со специальными клапанами, в которые были вставлены скалки всевозможных форм и размеров.

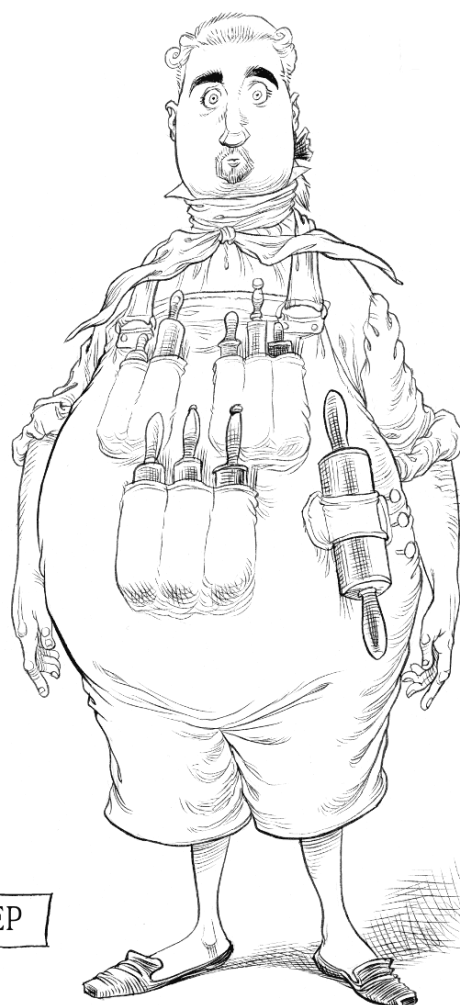
– Мэри Гекльберри, как приятно! – воскликнула Найджелина, не без заминки поворачиваясь вокруг своей оси. – И верный оруженосец Голлидер, если не ошибаюсь. Тоже прибыли на конкурс? Как и я! А кухня, должно быть, вот там...

Найджелина ловко просочилась между столпившимися кондитерами к кухонной двери. Остальные последовали за ней. Через мгновение Ада услышала тот же мягкий, обволакивающий голос, доносившийся с кухни.

– Моя дорогая миссис У'Бью, как я рада наконец встретиться с вами! Какая честь для меня! Герцогиня Девонская просто слов не может найти для вашего сорбета «Пингвины язычки». Говорит только – язык можно проглотить!

МЭРИ ГЕКЛЬБЕРРИ

ГОЛЛИДЕР

– Она преувеличивает...

Ада не могла поверить своим ушам: голос миссис У'Бью звучал дружелюбно!

– Ах! Какая великолепная печь! – продолжала Найджелина. – Впрочем, такому кулинарному артисту, как вы, ничто другое, разумеется, просто не подойдет!

Ада услышала странный шум. Не может быть никаких сомнений: миссис У'Бью хихикнула!

– Спасибо на добром слове, – ответила она наконец. – «Инферно» прибыло из Флоренции. В нем двенадцать духовок, двенадцать конфорок и четыре гриля...

Миссис У'Бью принялась демонстрировать прибывшим шеф-поварам свою чудопечку. В малой буфетной тем временем Ада рассказала Эмили и Руби новости о Мэрилебон.

Глаза Эмили широко распахнулись.

– Твоя горничная – медведица?! – изумилась она.

– Ну да. И я, представь себе, только сейчас это обнаружила.

– Ну что ж, тогда понятно... – задумчиво добавила Руби.

– Вот как? – встрепелась Ада – Что именно понятно?

– Мы отсылаем наверх провизию. И твоя горничная всегда присылает нам записки с просьбой о меде. И еще она спрашивает сэндвичи с айвовым мармеладом. У нее прекрасный почерк – ну, для медведицы.

– Так значит, она влюблена? – прервала Эмили. – Как романтично! Мне бы хотелось нарисовать ее портрет.

– Да понимаешь, – ответила Ада, – вся сложность в том, что она очень застенчива... и даже не может заставить себя выйти из моих комнат. Надо ее как-то оттуда выманить хитростью. А то она не сможет выйти замуж за генерала Симона Болилапа.

– Что ж, если ты не можешь уговорить Мэрилебон отправиться к генералу, – заметила Руби, осторожно приделывая сахарный плавник к русалочьему хвосту, – может быть, ты попросишь генерала приехать к Мэрилебон?

– Генерал? Кто здесь сказал. – «генерал»? Это я – генерал!

КРЕСТОН КРУТЧ

ПУШКИН

Посреди буфетной стоял маленький человечек в шляпе и кителе военного образца. Похоже, девочки заговорились и не заметили, как он вошел со стороны кухонного сада.

– Я генерал кухни, вот я кто! – заявил он. – Крестон Крутч, авангардный пекарь! Я впереди всех! Я прибыл, чтобы...

– Позвольте нам самим догадаться, – с улыбкой прервала его Эмили. – Вы прибыли на Большой кулинарный конкурс Громнета, верно? Все уже в кухне. А это кто?

Эмили указала на чрезвычайно жирного селезня мускусной утки, ввалившегося в буфетную с кожаным саквояжем в клюве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.